

ГЕРМАН
МЕЛИХОВ

ОТСТУПИТЬ НА ШАГ

ФИЛОСОФСКОЕ
ВОПРОШАНИЕ
И ПОДДЕРЖКА

Герман Мелихов

**Отступить на шаг. Философское
вопрошание и поддержка**

«Алетейя»

2022

УДК 101.1
ББК 87

Мелихов Г. В.

Отступить на шаг. Философское вопрошание и поддержка /
Г. В. Мелихов — «Алетейя», 2022

ISBN 978-5-00165-537-4

В книге раскрываются особенности понимания философии как вопрошающей активности, постоянно возобновляемого усилия начинания, ограниченного тем, что может сделать философ (предфилософская установка) и тем, что превышает его возможности (метафизическая установка). Издание представляет интерес для философов, антропологов, психологов, а также для широкого круга читателей, интересующихся проблематикой «практической философии». В формате PDF A4 сохранен издательский макет книги.

УДК 101.1
ББК 87

ISBN 978-5-00165-537-4

© Мелихов Г. В., 2022
© Алетейя, 2022

Содержание

Куда мы идем? Введение	6
Шаг первый	10
Конец ознакомительного фрагмента.	13

Герман Мелихов

Отступить на шаг: философское вопрошание и поддержка

Рецензенты:

доктор философских наук, профессор

Н.А. Терещенко

(«Казанский (Приволжский) федеральный университет»)

доктор философских наук, доцент

А. Р. Каримов

(«Казанский (Приволжский) федеральный университет»)

@biblioclub: Издание зарегистрировано ИД «Директ-Медиа» в российских и международных сервисах книгоиздательской продукции: РИНЦ, DataCite (DOI), Книжной палате РФ

© Г. В. Мелихов, 2022

© Издательство «Алтейя» (СПб.), 2022

Куда мы идем? Введение

Наш предмет – философия, которой принадлежим мы все, которая способна поддержать в трудную минуту того, кто в ней нуждается. Философия в этом случае, так кажется, находит себя в сфере «практической проблематики», обращенной к «широкой аудитории». В книге по «практической философии» раскрывается надлежащее содержание и подается читателю доступно. Так, что всякий, кто берет на себя труд ознакомиться с изложенным, непременно встретится с *самой* философией. Узнает и усвоит существенное о ней. И еще, что особенно ценно, извлечет нечто «полезное» лично для себя, для своей жизни.

Сказанное основано на нескольких допущениях. Во-первых, автор знает о философии что-то, чего не знает другой человек. Во-вторых, «существенное» в философии (не важно, как его понимать, как информацию/знание, как деятельность или что-то еще) обладает свойством транслируемости, о нем можно кому-то сообщить «без нанесения урона» его существу, то есть участники коммуникации обладают способностью «оперировать» «представлением о философии» по своему усмотрению (запомнить, пересказать, игнорировать, передать другому и пр.). В-третьих, между автором и читателем существует нечто вроде «предустановленной гармонии»: если что-то понимает один, есть вероятность, это же поймет и другой. По большому счету, ничего не требуется для успешной философской коммуникации, кроме дидактически выверенной подачи материала.

Не отрицая значимости подобного подхода, предположим иное. «Существенное» в философии не обладает свойством сообщаемости. Философия имеет дело с тем, что нельзя запомнить. Выучивается определение. Философствование опирается на выученное, но не держится за него. В настоящий момент мы где-то находимся, на что-то опираемся. Сейчас и приходится философствовать, разбирая определения в стремлении что-то увидеть. Оперировать усвоенным по усмотрению тоже не совсем получается. Можно сдать экзамен по теме «Проблема сознания в современной континентальной философии», написать статью или книгу, даже прослыть видным специалистом в своей области. Является ли это достаточным условием *усвоения* философии? Наверное, для кого-то. Тогда согласимся, мы усвоили философию, когда сдали экзамен по ней, успешно защитили диссертацию или издали книгу, которая хорошо разошлась. Философия Гуссерля и Хайдеггера заключена не только в их текстах. Неужели их философия сводится к тому, что они *смогли сказать* о сознании и бытии? Почему Гуссерль и Хайдеггер, другие философы, их немало, снова и снова начинали, стремясь разместить себя там, где еще все возможно, где нужное слово еще не найдено, где мысль еще не встретила с тем, о чем она? Язык, возможно, дом бытия, но всегда ли хозяин дома? Не отлучился ли он на время как раз тогда, когда пришли мы, вознамерившись поведать о бытии? Автор книги по философии или преподаватель не являются носителями чего-то важного, что они знают заранее, располагая возможностью убедительно рассказать о нем как об уже известном. Чем же автор и преподаватель отличаются от читателей и слушателей? Только опытом. Первые, в отличие от вторых, быть может, чаще оказывались в положении начинающих философствовать. Этим опытом «начинания» они и могут поделиться.

Философствование начинается с удивления¹. Сначала люди удивлялись тому, с чем встречались непосредственно, затем задавались вопросами о более значительном и общем. Удивляясь, мы ощущаем себя подле значимого. Удивление – первый контакт, взаимодействие

¹ «Ибо и теперь, и прежде удивление побуждает людей философствовать...». См.: Аристотель. Метафизика// Аристотель. Сочинения в 4-х т. Т. 1. М., 1976. С. 69. Как усвоить то, с чем мы еще не имели дела, не чувствовали присутствия рядом чего-то значительного, не были взволнованы, не приходили в беспокойство?

с тем, что вызывает вопросы. Тот, кто неподдельно заинтересован в философствовании уже *вовлечен* во что-то, чем является философия.

Аристотеля удивляет мысль, превышающая человеческие возможности, оперировать ею по своему усмотрению сложно²; мысль свободная, ни к чему не привязанная, ею не воспользуешься в своих целях, не передашь как ценную вещь другому. Разве не такой должна быть любая мысль? Силой ее наделяем не мы. Аристотель серьезно думал, стоящее знание (допустим, о нас) исходит не от нас. Если не мы, люди, создаем мысль, откуда она? Это и есть вопрос «первой философии», касающийся того, что превышает возможности человека.

Предположим, мы не властны над мыслью, что делать, с чего начинать? Вероятно, с наиболее доступного – со стремления к знанию³, с внимания к тому, куда мы вовлечены, на что опираемся. Что-то уже произошло или происходит, мы застали себя «удивленными». Попробуем присмотреться к происходящему.

Странная задача: вместо того, чтобы читать избранное, усваивать смысл философских идей, нам предлагают осмотреться. Нет ли здесь подвоха? Не собираются ли с нами что-то сделать, увести куда-то, а потом еще и бросить? Не окажемся ли мы там, где не собирались быть?

Справедливые опасения. Неожиданностей следует избегать. Да и к тому, что делают другие, стоит относиться с вниманием. Если же вдумчивый читатель возьмет книгу в руки, пролистает ее, он, возможно, поймет – повод для тревоги, безусловно, есть всегда, но так ли уж все плохо? Никто никого уводить не собирается, ибо *прийти* к тому, что превышает возможности человека, нельзя. Указывать на верное направление, формировать что-то и, уж подавно, изменять кого-то, – нет у автора таких намерений. Хотя все вокруг только об этом и твердят – сделайте что-нибудь, исправьте меня, чтоб достиг я когда-нибудь неслыханного успеха. Инвестиции в будущее – достойная цель образования. Автор с удовольствием ответил бы на этот запрос, если бы мог. Не знает он как гарантировано достичь успеха, тем более, неслыханного. Да и сама цель кажется ему достойной скорее *обсуждения*, чем достижения. Именно это и предлагается: пристально всматриваться в то, что есть – чего я хочу *сейчас*, как я себе представляю будущее, чем я руководствуюсь в своих представлениях о том, чего хочу и т. п.?

Вопросы, которые мы задаем, сначала себе, потом другим, делают из нас собеседников. Когда-то философствование понималось как беседа. Сегодня в основном как доклад (в форме сообщения или статьи) о проведенном исследовании. Философская беседа – жанр свободного исследования. В нем не возбраняется ошибаться, противоречить самому себе, искать выход из трудностей и не находить его, отходить в сторону, не приходить к результату, оставаясь при том, что есть. Доклад скрывает противоречия и трудности искания за видимой стройностью изложенного (обоснования). Трудно представить в философии идеальное обоснование, лишённое противоречий (из этого не следует, что к нему не стоит стремиться). Таковые обязательно найдутся, если, конечно, для нас фальсификация (опровержение) своей точки зрения, о чужой говорить не будем, допустима. Но чаще желанен нам готовый результат, хорошо обоснованный и годный к незамедлительному применению. И это правильно, времени мало, все слишком быстро изменяется, хочется больше информации в обмен на меньшие усилия. Пусть так. Но неужели нет у нас и малейшей тени сомнения? Неужели мы утратили вкус к свободному исследованию, намертво привязав его к «результату». Да и что считать в философии «результатом»? Хорошо обоснованную точку зрения? Предложенный вариант решения проблемы? Намерение что-то увидеть, встретиться с чем-то благодаря философствованию? Разве не можем мы позволить себе остановиться и спросить, желая получше разглядеть *положение* — что происходит,

² «Метафизика – «наука единственно свободная, ибо она одна существует ради самой себя. Поэтому и обладание ею можно бы по справедливости считать выше человеческих возможностей». См.: *Аристотель*. Указ. соч. С. 69.

³ «Все люди от природы стремятся к знанию. Доказательство тому – влечение к чувственным восприятиям; ведь независимо от того, есть от них польза или нет, их ценят ради них самих». См.: *Аристотель*. Указ. соч. С. 65.

почему так? Изложение материала в форме стенографического отчета о проведенном занятии соответствует духу начинания как «отступления на шаг» от совершаемого, когда многое еще возможно и не ясно, куда мы и с чем придем. Цель здесь – не достичь, не убедить, не обосновать или опровергнуть, а *увидеть*. Свое положение. Разворачивающийся «пошагово» в книге материал призван немного облегчить восприятие движения *к себе*, к собственным основаниям, как одновременно пути *от себя* (в мир). Мы всегда где-то уже пребываем, на что-то опираясь прямо сейчас. Предлагаемые для обсуждения философские идеи Канта, Хайдеггера, Левинаса, Мерло-Понти и др. выполняют функцию «настройки взгляда», они призваны сфокусировать внимание на том, что нас определяет в настоящий момент, на собственных основаниях.

То, что называется «философией», собственно, и есть мы, наш способ бытия (*так мы смотрим на вещи, это считаем нужным, туда предпочитаем устремляться и т. д.*). Уместно спросить: увидеть себя, это реально? Ведь то, чем я вижу, способность заметить, также принадлежит мне, моему способу бытия. «Смотрение» как программа уже вшита в меня вместе с заданными параметрами взгляда, в которые закодировано то, что *я смогу* увидеть. Значит, я всегда буду слеп по отношению к себе? Возможно.

Верно и другое. Несмотря на слепоту в отношении себя, у нас есть *ограниченное* желание понять, *что и как* есть мы. Предлагаемые шаги в стремлении удержать внимание на своем бытии – всего лишь попытка остаться в этом стремлении как в желании понять.

Желание понять себя, увидеть принципы, определяющие и организующие наш опыт, имеет отношение к «практической философии», под которой обычно понимается философия, используемая для нужд жизни. Остается выяснить, где и как *применять* философию? Этим, видимо, и занимается «практическая философия», определяя границы применимости философии и рассказывая о том, что каждый может взять себе от нее. Так кажется.

Аристотель, величайший из мыслителей, убежден, *прежде всего* достойна внимания мысль, превышающая человеческие возможности. К ней и нужно стремиться. Сила научных открытий состоит в их «полезности» и «применимости». Так ли обстоит дело с «первой философией», ее открытиями, для которой мысль не имеет отношения к человеку, выше его? К чему, кому и как она применима? Возможно ли использовать то, за что нельзя взяться – описать емкой формулой, создать более или менее связную, хорошо обоснованную «объяснительную модель»? Впрочем, возможно, это мы где-то ошиблись, посчитав верным допущение о том, что есть нечто, расположенное *там*, за пределами человека. Ничего такого *там* нет, на все положил свою руку человек, до всего он дотянулся. И Аристотель мог ошибаться, спросите у любого докторанта. Допустим, Аристотель неправ, и человек до всего дотянулся, не повод ли это, – я говорю о заблуждениях Аристотеля, если таковые есть, – задуматься о границах возможного для человека? «Первая философия» обхаживает границы возможного. В этой связи уместно спросить: кто и когда привил практической философии принцип утилитаризма? Не стоит ли посмотреть на задачи практической философии иначе, освободив ее от навязанной некогда обязанности во всем искать себе полезность и применимость?

Мысль, не важно, где она проявляет себя, в «теоретической» или в «практической» философии, не применима ни к себе, ни к другим людям. Из нее не извлечь выгоду, прямую или косвенную. Мысль используемая превращается в штамп, идеологему, руководство к действию, «красивую идею», ее можно запомнить и предъявить «по требованию». Нельзя сказать, это плохо. Просто *другое*. У философии иные задачи – оставлять пространство вопрошания открытым. Подготавливать возможность увидеть. Мысль Платона, Канта, Гегеля или Хайдеггера не их. Но и не наша. Превышая человеческие возможности, она содержит в себе глубину, несоизмеримую нашим устремлениям ранжировать, объявив ее верной или неверной, объясняющей что-то или уведящей от цели, достойной награды или изгнания, но всегда соответствующей *нашим представлениям*. Практическая философия, как и любая другая, если она реализует себя как философия, а не руководство к действию, неутилитарна. С ней, конечно, можно

сделать все вышеперечисленное и еще много чего, но и она отвечает требованию свободной мысли⁴. «Практичность» практической философии проявляется в том, что эта философия еще не имеет дела с мыслью, хотя исходит из допущения, что она есть. Практическая философия тематизирует *пред-философскую установку*, в которой мы застаем себя начинающими философами. Аристотель в своих лекциях по метафизике разворачивает перед слушателями пред-философскую установку, показывая значение предельно мыслимого в мышлении как возможность удивиться и вовлечься во взаимодействие с определенным родом «вещами». Обсуждение свойств мысли «энергетизирует» обсуждающих, приводит их в движение. Практическая философия, имеющая в виду предельно мыслимое как свою задачу и «неприменимость» как одну из важнейших установок (мы останавливаем себя в желании что-либо требовать от мысли, требования исходят от нас и к нам же приводят), побуждающих снова и снова начинать (обнаруживая новые требования в качестве «помехи»), получает и другое имя – «практическая феноменология». Значение имеют «эффекты» начинания: возможность увидеть *поддержку* — что или кто, кого и как поддерживает.

Мысль Платона, Канта, Гегеля или Хайдеггера, не их и не наша, обращенная к нам, о чем-то говорящая, требующая прояснения, никуда не прикладывается, она отсылает нас к тем «вещам» («свобода», «бытие», «сознание» и др.), с которыми *можем* столкнуться и мы сами. Стоящая мысль ничего не оживляет. Нельзя вдохнуть жизнь в ушедшее. Она сама жизнь. Сама свобода, когда мыслят свободу, само бытие, когда удается мыслить бытие. Мысль именно потому, что она не их и не наша, ничего не оживляющая, ни от чего не освобождающая, только дарующая жизнь и свободу, оказывается способной узреть что-то в нашем способе бытия и *вопреки ему*.

* * *

За основу «стенографического отчета» взято занятие, проведенное 24 ноября 2021 г. в Центре корпоративного обучения КФУ для преподавателей философии. Исходный материал был существенно доработан и дополнен, хотя структура проведенного занятия осталась прежней. Пользуясь случаем, хочу выразить благодарность Марине Яковлевой и Ольге Липатовой, без их вовлеченного участия в проводимом занятии мне не о чем было бы говорить. Я также признателен Артуру Каримову, Майе Соболевой, Наталье Терещенко и Юлии Хаеровой, их советы пригодились при подготовке издания к печати.

⁴ Свободную мысль в эссе «Ответ на вопрос: Что такое просвещение?» Кант противопоставлял машинерии, различным способам механической обработки мыслимого.

Шаг первый

Ищем выход к философии

На занятии присутствовали: В. – ведущий, С. – первый участник, Д. – второй участник.

В. – Несколько слов о намерениях, что и как мы будем делать. Я бы хотел поговорить о чем-то простом, к чему, как мне кажется, имеет отношение и философия. Кто-то скажет: «простых вещей» нет, а уж в философии, тем более – там вообще все сложно. И будет прав. Я не собираюсь противопоставлять простоту сложности. Под «простотой» я буду понимать неприметность близлежащего. Что-то, оставаясь незаметным, но и не скрываясь, упорно ждет нашего взгляда. А мы проходим мимо. Нет у нас умысла и не забыли мы ничего, просто настолько «срослись» с тем, где пребываем, что ничего иного, не связанного с тем, на чем стоим, не замечаем. Простое – самое естественное, самое близкое. То, на чем мы стоим – самое простое, его, как собственные ноги, не замечаем. Не будем же мы все время смотреть на что и как ступаем.

Незаметность простых вещей неслучайна. Возникает нужда, надо решить проблему. Иногда непростую, придется заглянуть себе под ноги – крепко ли стоим, туда ли ступаем? Крепко стоять на ногах необходимо, это бесспорно. Но и видим мы в своей нужде не сами вещи, а дело, с этими вещами связанное. Отсюда взять, сюда добавить, пересчитать и сложить в нужном порядке. Возможно, мы создаем что-то свое и из себя, а потом навязываем остальным. На этот счет даже есть теории, в свое время они были в ходу. Жиль Делёз, а потом и Мераб Мамардашвили, говорили, что сначала мы создаем что-то, произведения, а потом усматриваем в них истины. Очень все это похоже на правду. И на вещи можно посмотреть как на знаки. Если вещи для нас *только* знаки, пусть это будут знаки не взлетов и падений, важных дел, напротив, бесполезных, не важных, упускаемых из виду отношений. Понимаю, странное допущение, несвоевременное, даже архаическое, но только так можно оставить за вещами право сопротивляться, уберечь себя от нашей попытки включить их в деловой распорядок. Расположить на одной плоскости, прописать правила обращения, распределить, отмерив доли. Так мы смотрим на вещи, прикидывая, что с этим можно сделать, куда приспособить, на что обменять. Между тем, неприметные вещи, те, что еще не стали для нас знаками важных дел, лишённые опеки, живут своей жизнью. Они что-то делают и с нами, только мы этого не замечаем. Как говорить о неприметных вещах, не связывая их «насушным делом» и оставляя за ними право представлять себя самим? Неприметные вещи ничего не утаивают. Они всегда на виду. Это мы чего-то не видим, хорошо экипированные «пониманием» – мы знаем, чего нам надо, и как мы этого добьемся. Вот эту оснастку взгляда и стоит ограничить. Неужели мы разучились смотреть на вещи естественно, не из своих нужд? И на этот счет у нас есть теория, много чего объясняющая, все расслабляющая по местам: нет никакого «естественного взгляда», выдумка это, есть только «конструкции», нами же созданные, на нужды отвечающие. Хорошо. Попробуем тогда оснастить себя возможностью не торопиться выводить на свет все, помня о своей предвзятости и допуская *самопроявленность* вещей.

Философия. И на нее можно посмотреть как на «неприметную вещь», к нам обращенную, ждущую внимания. Мы не замечаем, что принадлежим философии, что она способ нашего бытия, ставший привычным, в нем мы пребываем сейчас. Попробуем проявить внимание к тому, что *уже проявилось* и только ждет особого взгляда, не торопливо и предвзято огладывающего, какого-то другого. Вольное обсуждение философских вопросов без оценивающего оглядывания приводит в движение, энергетизирует. Возможно, в ходе обсуждения простые в своей неприметности вещи, на них мы стоим, за них держимся, начнут самопроявляться и станут видимыми для нас самих. Смысл работы я вижу не в том, чтобы предложить ряд «полезных» и «красивых идей» для запоминания и дальнейшего использования, а в создании «ком-

муникативной ситуации», новой и для меня, когда что-то может случиться, например, удастся что-то увидеть или предоставится возможность посмотреть на то же самое иначе. Поэтому режим диалога для меня предпочтителен. Прерывайте в любой момент, спрашивайте о чем угодно, комментируйте, высказывайте свои суждения, возражайте. Если вы этого не будете делать, одолеет скука, по крайней мере, меня, точно.

И еще об одном. В философии издавна чужой текст, высказывание крупного мыслителя, использовались в качестве средства «приведения себя в движение». Философский текст – окно, позволяющее заглянуть в философию. Философия там («за окном» текста) явно присутствует, и это не может не волновать тех, кто имеет к ней вкус. Также поступим и мы. Я хочу предложить вам для обсуждения и совместного комментирования ряд небольших (так их легче воспринимать на слух) отрывков из текстов, содержащих суждения философов, прославленных и не очень известных, с моей точки зрения, заслуживающих внимания.

Это все, что я хотел сказать предварительно. Если нет вопросов, позвольте начать.

* * *

Одна из простых, незаметных вещей, с которой мы постоянно имеем дело, – *повторение*. Мы живем в мире, заставляя себя и других, в повторяющихся действиях. «Внешних» или «внутренних». Мы встаем с постели и совершаем ряд действий, принявших форму «утреннего ритуала». Потом мы выходим из дома и отправляемся по одной и той же дороге к месту работы, где мы, как правило, служим уже не один день. Там, на работе, не успев войти в помещение, мы встречаемся с коллегами и, обменявшись ритуальными (повторяющимися) формами вежливости, приступаем к работе, которая зачастую носит рутинный характер. Рутинная также состоит из повторяющихся, типизированных действий. По окончании рабочего дня мы вновь (немного странное в данном контексте слово), перекинувшись с коллегами парой вежливых фраз, возвращаемся на привычный путь домой. И так по кругу, изо дня в день. Если мы обратимся к себе и даже – я говорю о вещах совершенно немислимым – заглянем в себя, и там, где мы пребываем всегда «с собой», найдется повторяющееся. Иногда нас захватывают эмоции. Кто-то нас похвалил или обидел, мы снова и снова обнаруживаем себя в одном и том же переживании. Как правило, мы пропускаем момент, когда оказываемся частью эмоции, иногда вдохновляющей, порою гнетущей и подавляющей. Встречаются нам и повторяющиеся мысли. Кто-то не может долго заснуть. Какие-то события, которые развернулись накануне, настолько захватывают человека, что он оказывается перевозбужденным – поток беспокойных мыслей, вращающихся вокруг одного и того же, уносит его далеко за пределы того места, где он находится. Я видел программу ваших занятий, там заявлена проблематика научного метода. Метод – тоже повторяющееся действие, наверное, не надо никому это доказывать. С разными объектами работают по-разному. Работа состоит из повторяющихся процедур и операций, с их помощью соответствующий объект подвергается аналитическому разбору. Вот что интересно, почему-то мы думаем: одни и те же операции и процедуры могут привести нас (и что удивительно, иногда приводят) к открытиям. Как это возможно? Или то, что мы называем «открытием», видится таковым только в определенной, уже заданной, перспективе, тогда «открытие» лишено черт «нового», оказываясь частью повторяющегося большего. Все это общеизвестные вещи. Рыбак забрасывает сеть. Если сеть крупная, в нее попадает только большая рыбка. Если сеть мелкая, в нее попадает и рыбешка и крупная, и небольшая. Метод задает границы восприятия, он есть *заданное* представление об объекте, с которым мы имеем дело. Значит, мы можем увидеть какие-то вещи, и не увидеть другие. Вытягивая сеть, рыбак жаждет получить значительный улов. Ему не нужно новое, ему требуется для выживания то же самое, только в еще больших количествах. Рыбак извлечет из моря ровно то и в тех количествах, что соответствует характеру сети, заявленному инструменту. В сети, разумеется, попадает много чего другого, но это

безжалостно отсекается рыбаком и отбрасывается в сторону как не имеющее отношение к делу – улову. Я хочу сказать, мы живем в мире повторяющихся событий, явлений, эмоций, мыслей. Посмотрите, даже закон, если исходит из известной всем со школьных времен формулировки (философские ее истоки в данном случае значения не имеют), есть устойчивая и повторяющаяся связь явлений, событий и пр. Мы живем в мире, который устойчиво повторяется. Мы находимся в отношениях, которые повторяются. Даже с разными людьми мы оказываемся в одних и тех же отношениях. Мы живем с эмоциями, переживаниями, которые повторяются. И нас это устраивает, хотя иной раз вдруг становится беспокойно. Мы захотели чего-то другого. Можем ли мы хотеть другого, если находимся в рамках заданных структур? Траектории нашего движения предопределены. Находясь в *этом* месте, мы забросили *эту* сеть наших представлений и надеемся, что в эту сеть попадет *эта*, и никакая другая, рыбешка. Почему же мы ищем чего-то необыкновенного, хотим нового; почему мы не довольны жизнью, тем, что имеем? Философии эта проблематика давно известна. На Востоке издавна говорили о сансаре. Ницше разрабатывал концепцию вечного возвращения в жизни того же самого. Кьеркегор пишет работу, которая так и называется «Повторение». Позже Делёз основы своей философии изложит в трактате «Различие и повторение». Давайте я остановлюсь, может быть есть вопросы или соображения?

С. – Я вспомнила старый философский анекдот. Один философ, не помню, о ком идет речь, задумался о природе человеческой жизни и пришел к выводу, что все повторяется. Встаю утром, делаю одно и то же, хожу по одной дороге, в общем, думал этот человек, вся моя жизнь состоит из одних повторений, ничего другого в ней нет и быть не может. И вот он, переполненный подобными мыслями, приходит домой. Дверь ему открывает слуга весь обсыпанный мукой...

В. – Всякое случается в жизни. Представьте, рыбак забросил сеть, вытянул ее и обнаружил в ней лампу, потерял ее, джин появился, ручной к тому же. Любое желание исполняет. Прямо сейчас, не сходя с места. Подумаем: «счастливое событие» отменяет повторяемость? Для того, чтобы извлечь на свет волшебную лампу, придется забросить невод, совершая ряд рутинных действий. Вытягивая его, мы также выполняем необходимые действия в определенной последовательности. Плохо это или хорошо, в данном случае значение не имеет. Так есть. Я просто фиксирую факт: жизнь состоит из повторяющихся действий. Также очевидно, в ней случается непредвиденное. Вопрос: то, что случается и опознается нами как «непредвиденное», принадлежит той же рамке, что и повторяющееся, или выходит за ее пределы? Это проблема интерпретации событий. Предположим, два философа видят одного слугу, обсыпанного мукой. Хозяин дома увидит в случившемся одно, гость – другое. Хозяин знает слугу, знает что, где и как расположено в его доме. Исходя из этих представлений, он интерпретирует происходящее. Гость трактует событие, полагаясь на свои представления о том, что он знает о хозяине дома и его слуге. Интерпретации событий могут пересекаться или расходиться. У нас уже есть представления о том или этом, мы в них находимся. Все, что мы делаем, так или иначе ими определяется. Сможем ли мы заметить то, что находится за пределами этих представлений? Я вижу как хорошее и плохое, как видимое и невидимое только то, что вытекает из тех представлений, которым я принадлежу. Все остальное я просто не вижу, прохожу мимо. Вероятно, то, с чем мы *имеем дело*,

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.